

„Другъ дѣтей“.

Е. М. Бѣмъ.

(Биографическій эскизъ).

Взявъ на себя смѣлость набросать небольшой биографическій эскизъ нашей высоко-даровитой художницы Елизаветы Меркурьевны Бѣмъ, избравшей себѣ совершенно особенную спеціальность, такъ широко и симпатично ею разработанную,—я исполняю свое сердечное желаніе поближе познакомить тѣхъ, кто прочтетъ мою безыскусную статью, съ этой, въ высшей степени симпатичной, высоко-образованной и развитой личностью, интересной и помимо ея художественнаго дара.

Кто изъ насъ не знакомъ съ вышедшими изъ-подъ ея кисти дѣтишками, чисто-русскаго типа, съ ихъ розовыми личиками, русыми кудряшками, наивными глазками и широко улыбающимися, или слегка надутыми губками? Кто, встрѣтивъ этихъ дѣтишекъ въ оригинальныхъ акварельныхъ рисункахъ на выставкахъ, или отпечатанныхъ въ видѣ карточекъ, заказываемыхъ художницѣ со всѣхъ концовъ стараго и новаго свѣта и раскупаемыхъ на расхватъ,—не залюбуется, а часто и привѣтливо улыбнется этимъ крошкамъ, то въ расшитыхъ золотомъ, боярскихъ кафтанахъ, то въ рваныхъ зипунишкахъ и простыхъ рубашенкахъ; то въ видѣ ангелочковъ, осѣненныхъ граціозно-сложенными крыльями? Кто не угадаетъ, рассматривая этихъ дѣтишекъ, съ какой любовью воспроизводила ихъ художница, съ раннихъ лѣтъ изучивъ ихъ въ натурѣ, на чисто-русской почвѣ?

I.

— Если хотите знать мою родословную,—говорила мнѣ Елизавета Меркурьевна,—то знайте, что во мнѣ течетъ татарская кровь; такъ какъ мои предки были татары, по фамиліи Индогуръ,— что значить „индѣйскій пѣтухъ“; а грамотой, дарованной Іоанномъ III, эта фамилія и переименована была въ мою дѣвичью фамилію Эндаурову.

„Родилась я въ Петербургѣ ¹⁾; но мнѣ не было и шести лѣтъ, какъ семья наша покинула Петербургъ, переселившись въ Ярославскую губ. въ свое родовое имѣнье. Самыя лучшія воспоминанія у меня связаны съ деревней, и я сожалею тѣхъ дѣтей, которыя лишены этихъ радостей. Любовь къ рисованью у меня была съ самыхъ малыхъ лѣтъ; и я иначе себя не помню, какъ рисующей на всѣхъ клочкахъ бумаги, которые попадались мнѣ въ руки. Въ письмахъ къ своимъ подругамъ петербургскимъ я постоянно вкладывала свои рисуночки куколокъ и животныхъ; и вотъ это-то и обратило вниманіе людей нѣсколько понимающихъ, что мнѣ слѣдовало серьезно заняться рисованьемъ.

„Мнѣ было 14 лѣтъ, когда по настоянію нашихъ родственниковъ Ильиныхъ ²⁾, меня перевезли въ Петербургъ, къ нимъ, и я начала посѣщать школу „Общества поощренія художниковъ“, находившуюся тогда на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Биржи. Лучшими, счастливыми годами были тѣ, что я занималась въ школѣ! Приватныхъ уроковъ рисованія я никогда не имѣла; такъ что затраты на мое художественное образованіе были самыя ничтожныя. Руководителями нашими въ школѣ были въ то время такіе мастера, какъ: Крамской, Чистяковъ, Бейдеманъ, Примацци (по акварели) и другіе. Директорами школы были сначала Львовъ, бывший одновременно конференцъ-секретаремъ въ Академіи Художествъ, при князѣ Гагаринѣ,—а затѣмъ Дьяконовъ. Окончивъ школу, въ 1864 году, съ медалью, я не прерывала сношеній со своимъ налюбимѣйшимъ руководителемъ И. Н. Крамскимъ и послѣ лѣтнихъ занятій привозила ему всегда на домъ, на его судъ, всѣ мои работы. Не могу не вспоминать, съ чувствомъ особой благодарности, какъ многимъ я ему обязана и съ какимъ вниманіемъ и участіемъ онъ всегда ко мнѣ относился!“

¹⁾ 12 февраля 1843 г.

²⁾ Генералъ Ильинъ, учредитель извѣстнаго въ Петербургѣ „Картографическаго заведенія“, былъ моимъ двоюроднымъ дядей со стороны матери.

Поступивъ въ рисовальную школу въ январѣ 1862 г. ¹⁾, я почти не знала Е. М., тогда еще дѣвицу Эндаурову. Я проходила младшіе классы, она была уже въ натурномъ, гдѣ я ее застала уже на выходѣ изъ школы, и она оставила только во мнѣ впечатлѣніе чего-то изящнаго, съ ея стройной фигурой и красивымъ лицомъ, именно миеологической Діаны. Говорю: *именно*, потому что мое первое, заглавное знакомство съ Е. М. было по рисунку Шарлеманя, принесенному имъ въ школу, на которомъ Е. М. была изображена въ костюмѣ Діаны, на маскарадномъ балѣ, о которомъ я приведу слова самой Елизаветы Меркурьевны.

„Первый костюмированный балъ въ Академіи Художествъ былъ 29 декабря 1861 г. платный; второй же, 24 февраля 1862—былъ повтореніемъ перваго, по желанію президента Академіи В. Княгини Маріи Николаевны, взявшей 200 билетовъ для раздачи своимъ приближеннымъ при Дворѣ, и кромѣ того художники посылали приглашенія лицамъ, отличившимся своими костюмами на первомъ балѣ: Вотъ тутъ и я, какъ „Діана“, получила даровое приглашеніе.

Это былъ поразительный по красотѣ балъ, съ живыми картинами и пѣніемъ за сценой, извѣстной въ ту пору, г-жи Лешитицкой. Шарлемань сдѣлалъ тогда прелестный рисунокъ, изобразивъ цѣлую сцену костюмированного бала, въ томъ числѣ и меня въ костюмѣ „Діаны“. Этотъ рисунокъ, показанный въ школѣ, и укрѣпилъ тамъ за мной, какъ вы помните, кличку „Діаны“.

Разсказавъ мнѣ это, Е. М. показала письмо (съ котораго дѣлаю копию) Шарлеманя къ распорядителямъ юбилея Елизаветы Меркурьевны—10 января 1896 г., о чемъ упомяну своевременно,—съ приложеніемъ эскиза его прежняго рисунка.

„Прошу принять сей рисунокъ не какъ портретъ Е. М. Бѣмъ, въ вечеръ художниковъ 1861 г. 29 декабря и 24 февраля,—а какъ воспоминаніе того костюма, который плѣнялъ, какъ насъ, художниковъ, такъ и нашу незабвенную Августѣйшую Президентшу Имп. Ак. Художествъ. Три костюма дамскихъ выдѣлялись изъ прочихъ своими античными драпировками; это были: княгини Гагариной, Елиз. Мер. Эндауровой и Софіи Ѳед. Каменской. Рисунокъ костюмированного бала, который я исполнилъ полуакварелью, тогда былъ пріобрѣтенъ графомъ Николаемъ Кушелевымъ-Безбородко.

¹⁾ Моя статья: „С.-Петербургская рисовальная школа“, была помѣщена въ „Русской Старинѣ“, въ ноябрѣ 1889 г. въ годъ исполнившагося 50-лѣтія школы.

„Прошу принять мою душевную признательность за доставленіе мнѣ случая явиться, какъ давнишній поклонникъ симпатичнаго таланта Елиз. Мер. и ея самой, какъ друга дѣтей и художницы-поэтессы.

А. Шарлемань*.

(старѣйшій пятничникъ).

Возвращаясь къ моему первому знакомству съ Е. М. по рисунку „Діаны“, прибавлю, что наше болѣе близкое съ ней знакомство послѣдовало уже тогда, когда Е. М. была замужемъ и имѣла ребенка.

„Установилось мнѣніе,—говорила мнѣ Е. М.—что съ замужествомъ женщины всегда, или большею частію, кончаютъ свои занятія искусствомъ; все равно, музыка это или живопись или что другое, не находя для этого достаточно времени. Вспоминаю при этомъ слова нашего великаго писателя Л. Н. Толстого, который говоритъ, что у кого есть призваніе дѣйствительное, то для этого найдешь время, какъ находишь для того, чтобы пить и ѣсть. И это совершенная истина; чувствую это по опыту. Любя всей душой свое занятіе, я и по выходѣ замужъ и послѣ того, что имѣла ребенка, все также, если еще не болѣе, занималась любимымъ дѣломъ. Только, конечно, съ лѣтами и благодаря обстоятельствамъ, измѣнился вкусъ и выборъ сюжетовъ. Такъ, напримѣръ, дѣтскій міръ сталъ излюбленнымъ для меня“.

Остановясь на замужествѣ Е. М. (въ 1867 г.), скажу нѣсколько словъ объ ея мужѣ. Людвигъ Францовичъ Бёмъ, венгерецъ по происхожденію, но совсѣмъ обрусѣлый, былъ очень образованный человекъ, талантливый скрипачъ и прекрасный преподаватель, бывшій въ петербургской консерваторіи сначала адъюнктомъ Ауера, а потомъ и профессоромъ. Свое музыкальное образованіе онъ получилъ въ вѣнской консерваторіи и жилъ тогда у своего дяди, знаменитато профессора скрипки, Іосифа Бёма, бывшаго другомъ Бетховена и учителемъ цѣлой плеяды извѣстныхъ скрипачей, какъ: Іохимъ, Лаубъ, Минкусъ, Эрнстъ и др., между которыми былъ и учитель Ауера. Особенно дружный съ Іохимомъ, Людвигъ Францовичъ вмѣстѣ съ нимъ и жилъ у своего дяди, Бёма. Когда Л. Ф. былъ уже женатъ, онъ получилъ въ наслѣдство отъ дяди знаменитую скрипку „Stradivarius“ и письмо Бетховена. Нѣжно любя свою, вполне достойную любви, жену, Л. Ф. постоянно восхищался ея талантомъ.

— Знаете, говорилъ онъ мнѣ, съ любовью, смотря на тѣ прелестныя произведенія кисти Е. М., которыя она, бывало, показывала

мнѣ, во время моихъ къ ней посѣщеній: я не разъ думалъ о томъ, что я не столько былъ бы удовлетворенъ, если бы жена моя была напр. музыкантшей и я, вернувшись изъ консерваторіи, еще полный часто фальшивыми звуками моихъ учениковъ, встрѣчалъ бы и дома опять, хотя бы и хорошіе, но все же музыкальные звуки! А тутъ я прямо отдыхаю на ея рисункахъ.

И точно,—что кромѣ успокоенія и даже умиленія, могли принести эти очаровательныя мордашки, съ ямочками на розовыхъ щечкахъ; веселыми, а иногда слегка плутоватыми глазенками, съ взъерошенными, русыми кудряшками;—всѣ эти дѣтишки, въ ихъ неистощимомъ разнообразіи, съ всегда такъ кстати прибранными пословицами или прибаутками?

— И откуда только вы ихъ выкапываете, всѣ эти пословицы и поговорки?—удивлялся, бывало, Стасовъ, думавшій, что онъ-то ужъ до самой глубины ихъ докопался, и что дальше идти было некуда!

А милая Е. М. скромно улыбалась и снова, при первой же новой серіи своихъ карточекъ, какъ изъ неистощимаго, чудодѣйскаго рукава,—выбрасывала и новыхъ дѣтишекъ и новыя къ нимъ прибаутки!

Послѣдніе годы Е. М. получала массу заказовъ на карточки изъ Парижа. Одинъ издатель даже сдѣлалъ ей предложеніе, чтобы она работала исключительно для него, но, несмотря на чрезвычайно выгодныя условія, Е. М. не захотѣла такъ рабски связать себя; главное, какъ бы разорвать связь съ русскими издателями, что ей, какъ истой патріоткѣ, особенно было не по душѣ! Изданныя въ Парижѣ карточки были превосходны въ напечатаніи тамъ; и въ настоящее время нѣкоторые изъ петербургскихъ издателей карточекъ съ рисунками Е. М. посылаютъ ихъ для отпечатыванія въ Парижъ, Лейпцигъ и Мюнхенъ, отдавая послѣднему городу предпочтеніе даже передъ Парижемъ.

II.

У Елизаветы Меркурьевны былъ неистощимый запасъ маленькихъ натурщиковъ, и изъ всевозможныхъ заготовленныхъ съ нихъ эскизовъ она потомъ и черпала свои оригиналы, облакая ихъ въ разные костюмы.

Лѣто она всегда проводила въ деревнѣ; первые годы по выходѣ замужъ, въ Ярославской губ. въ имѣніи Эндауровыхъ, а затѣмъ, 13 лѣтъ подъ рядъ, въ имѣніи Балашевыхъ, по Никол. жел. дорогѣ, за станціей Тосно. Собираясь туда, Е. М. закупала цѣлыя охапки деревенскихъ платковъ, лентъ и грошевыхъ дѣтскихъ игру-

шекъ для своихъ друзей, окрестныхъ крестьянокъ и ихъ ребятшекъ, встрѣчавшихъ свою барыню ¹⁾ хлѣбомъ-солью, въ видѣ яицъ и лѣсныхъ ягодъ; а барыня, одаривъ всѣхъ, принималась за срисовываніе своихъ маленькихъ друзей, во всѣхъ видахъ и положеніяхъ; чего они не только не избѣгали, но охотно позировали передъ доброй барыней, которая, конечно, только при ея художественномъ навыкѣ могла справляться съ этими безпокойными, непосѣдливymi натурщиками.

Къ этому времени принадлежитъ одинъ изъ первыхъ художественныхъ силуэтовъ Е. М., изображавшій отправляющуюся въ путь семью, состоявшую изъ: Людвигъ Фр., съ охотничьимъ ружьемъ; Елизаветы Мер., ея маленькой дочки; меньшей сестры Е. М.— подростка четырнадцати лѣтъ; двухъ старухъ прислужницъ, двухъ собакъ и кота ²⁾.

Упомянувъ о сестрѣ Е. М., остановлюсь теперь на ней. Любовь Меркурьевна Эндаурова была только короткое время въ рисовальной школѣ, не пройдя всего курса. Имѣя особенную склонность къ акварельной живописи, которая въ то, позднѣйшее время, въ рисовальной школѣ не процвѣтала,—стала заниматься у своей сестры и, постепенно совершенствуясь,—избравъ своею спеціальностью цвѣты и насѣкомыхъ,—дошла до той превосходной степени, что эти, выставляемые ею,—съ 1887 года, на выставкахъ цвѣты, кажется, обдають васъ, присущимъ имъ ароматомъ, а сверкающіе яркими красками жучки и стрекозы кажутся совсѣмъ живыми! Многія изъ акварелей Л. М. были приобрѣтены школой, какъ образцы ученикамъ, и всегда имѣя большой успѣхъ на выставкахъ, красуются отпечатанными и на карточкахъ; всегда составленныя съ большимъ вкусомъ и часто снабженныя очень удачно подобранными художницей, стишками нашихъ извѣстныхъ поэтовъ.

О своихъ первыхъ изданіяхъ Елизавета Мер. рассказывала мнѣ такъ:

„Съ 1875 г. начала я изданіе своихъ первыхъ силуэтовъ, литографируя ихъ сама и на камнѣ. Крамской очень сочувственно отнесся къ этому. Заручившись сочувствіемъ и художниковъ и публики, я въ продолженіе многихъ лѣтъ ежегодно выпускала въ свѣтъ по тетради новыхъ силуэтовъ и имѣла имъ сбытъ не только здѣсь, но и за границей. Дѣтскій міръ и деревенская жизнь, близкіе мнѣ и самые симпатичные, служили мнѣ сюжетомъ для силуэтовъ“.

¹⁾ „Бѣмпа“, какъ называли Е. М. ребятки.

²⁾ Силуэтъ этотъ, бывшій на выставкѣ „Blanc et Noir“, былъ приобрѣтенъ Третьяковымъ для его музея.

И что за совершенство были эти силуэты, въ которыхъ вы угадывали даже выраженіе на лицахъ маленькихъ чернышей! Но рисованіе на камнѣ очень утомляло глаза, что и было причиной, что Е. М. оставила совсѣмъ этотъ родъ рисованья, отдавшись всецѣло акварели ¹⁾. Но, прежде чѣмъ перейти къ ея акварельнымъ рисункамъ, я остановлюсь еще на одномъ замѣчательномъ силуэтѣ, именно портретѣ А. Г. Рубинштейна. Появился онъ самымъ импровизированнымъ образомъ. Это было въ то время, когда гениальный артистъ давалъ незабвенные, историческіе концерты, какъ извѣстно повторенные имъ три раза: разъ въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, разъ въ Москвѣ и разъ въ петербургской консерваторіи, для ея учениковъ. Какъ жена профессора консерваторіи, Е. М. посѣщала эти послѣдніе, и вотъ, разъ, занявъ мѣсто, съ котораго ей особенно хорошо представлялась вся фигура піаниста, ей пришла мысль набросать его силуэтъ. Отыскался у кого-то карандашъ, но бумаги не нашлось, и Е. М. на оборотѣ своей программы набросила силуэтъ, со всей фигурой и роялемъ, т. е. создала новое совершенство, поразительное по выраженію! Самъ А. Г. Рубинштейнъ говорилъ потомъ Е. М., что это лучшій изъ всѣхъ его портретовъ! Набросанный на программѣ эскизъ хранится въ Публичной библіотекѣ, послѣ того какъ съ него отпечатали нѣсколько тысячъ экземпляровъ, разошедшихся всюду за границей, даже въ Америкѣ.

Возвращаясь къ акварельной живописи Е. М., скажу, что акварель была излюбленнымъ родомъ живописи художницы; такъ что въ школѣ, начавъ писать съ натуры, она испросила разрѣшеніе употреблять иногда акварель, вмѣсто масляныхъ красокъ. За акварель же, въ рисунокѣ „Nature morte“, Е. М. получила большую поощрительную медаль отъ Имп. Академіи Художествъ. Помимо тѣхъ прелестныхъ дѣтишекъ, что появляются ежегодно на разныхъ выставкахъ, Е. М. можетъ насчитать безконечное число рисунковъ по заказу частныхъ лицъ, изъ которыхъ особенно выдавались вещи, изготовленныя для Высочайшихъ особъ. Нѣсколько молитвенниковъ, съ живописью по пергаменту; вѣера:—для серебряной свадьбы греческой королевы, для бракосочетанія Великой Княгини Ксении Александровны, нѣсколько для Великой Княгини Елизаветы Теодоровны. Всего болѣе было исполнено акварелей по заказу Великаго Князя Сергія Александровича и графа С. Д. Шереметева, постоянныхъ заказчиковъ художницы. За вѣеръ на выставкѣ въ Чикаго

¹⁾ Прекращеніе изданій силуэтовъ совпало съ юбилеемъ Е. М.—въ 1896 г. когда ихъ первому изданію минуло 20 лѣтъ.

Е. М. была присуждена медаль, одна изъ четырехъ тамъ розданныхъ, также какъ за изданіе силуэтовъ и издѣлій изъ стекла.

Упомянувъ о стеклѣ, объ этой новой отрасли искусства неистощимой Е. М., я перехожу къ ея собственнымъ словамъ:

„Въ 1893 г. я, благодаря чисто случайности, пробую свои силы въ новой для меня отрасли, а именно художественно-промышленной. Явилась у меня эта мысль, во время моей поѣздки въ Орловскую губ. на Мальцовскіе заводы, гдѣ директоромъ хрустальнаго завода былъ мой братъ, Александръ. Формы для посуды брались мною изъ старины, какъ: братины, ковши, стопы, чарки, штофы и пр. Рисунки на нихъ дѣлались эмалью, по моимъ рисункамъ и наблюденіямъ; а иные и гравировались мною по воску, иглой, какъ офорты; но съ тою разницей, что травленіе было не крѣпкой водкой, а фтористой кислотой, на столько ядовитой, что надо надѣвать маску при травленіи. Впослѣдствіи, вещи изъ стекла, изготовленныя по моимъ рисункамъ на Мальцовскомъ заводѣ, были мною выставлены на нѣсколькихъ всемірныхъ выставкахъ Европы и Америки: въ Парижѣ, въ 1900 г., гдѣ однимъ изъ первыхъ покупателей былъ извѣстный художественный критикъ Jules Claretie; въ Мюнхенѣ—въ 1902 г., Миланѣ—1906 г. Вездѣ имъ были присуждены медали (въ Миланѣ золотая), и все было распродано. Надо при томъ замѣтить, что за границей вещи эти болѣе цѣнились, чѣмъ на родинѣ, оправдывая пословицу о пророкахъ...

А какія это были прелестныя вещи и отдѣльные и цѣлыя приборы умывальныя, столовыя, покрытыя выпуклыми рисунками, то золотомъ, то разноцвѣтными красками, будто самоцвѣтными камнями, все въ русскомъ стилѣ, часто съ русскими прибаутками. Что были за прелестныя стеклянныя рамки, на которыхъ, среди прозрачныхъ водяныхъ струекъ и водяныхъ растеній, скользили рыбки или фантастическія наяды,—русскія, сказочныя русалки! Былъ и винный приборъ, приземистый русскій штоффъ, зеленаго стекла, съ стаканчиками—„шкаликами“, все будто полное „зелена-вина“, съ искусителями—бѣсенятами, въ рисункахъ и пр.

Д. В. Григоровичъ, всегда болѣвшій душой о томъ, что наши художники совсѣмъ мало удѣляютъ своихъ силъ художественно-ремесленной отрасли¹⁾, тогда какъ за границей это наоборотъ, съ восторгомъ отнесся къ этимъ работамъ Е. М. и такъ ими заинтере-

¹⁾ Д. В. Григоровичъ первый внесъ въ школу художественно-ремесленный родъ.—Это все конфетки, изумрудныя брошки!—говорилъ онъ, разсматривая рисунки ученицъ. Имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

совался, что при отправкѣ вещей на выставку въ Чикаго, въ 1893 г., радостно привѣтствовалъ появленіе каждой вещи и собственноручно ихъ разбиралъ и раскладывалъ.

Мою краткую лѣтопись объ Елизаветѣ Меркурьевнѣ, какъ художницѣ, я закончу описаніемъ ея юбилея,—10 января 1896 г.,—которымъ праздновалось: 30-ти-лѣтіе со времени окончанія художницей школьнаго образованія, съ медалью; 25-ти-лѣтіе со времени полученія ею большой, поощрительной медали отъ Академіи ¹⁾ и 20-ти-лѣтіе со времени перваго изданія ея силуэтовъ.

Переходя къ описанію самаго торжества, остановлюсь прежде всего на газетномъ о немъ описаніи въ „Новомъ Времени“ (12 янв. 1896).

„При совершенно исключительной обстановкѣ праздновался первымъ дамскимъ кружкомъ юбилей извѣстной художницы-силуэтистки, Е. М. Бѣмъ, въ залѣ Имп. Общества поощренія художествъ. Праздникъ художницы справлялся на торжествѣ искусства, на выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго. Въ залитой свѣтомъ залѣ со стѣнъ глядѣли всѣ послѣдніе труды маститаго художника и самъ онъ, добрый и здоровый, ходилъ среди нихъ, среди массы гостей, явившихся на юбилей Елиз. Мер. А собрались почтить юбиляршу и художники, и артисты, и писатели и, конечно, всѣ члены перваго дамскаго кружка, съ предсѣдательницей его Е. В. Сабанѣевой и бывшей предсѣдательницей П. П. Куріаръ. Были на юбилей: вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ Толстой, ректоръ Академіи Маковскій, проф. Мещерскій, Китлеръ, Куинджи, Рѣпинъ. Была на лицо почти вся „Пятница“ акварелистовъ: А. Н. Бенуа, Лагоріо, Писемскій, Алексѣевъ, Брунъ, Вильдъ, Дмитріевъ-Кавказскій, Егорновъ, Кумингъ, Мазуровскій, Соломко, Шарлеманъ, и др. Изъ міра писателей: П. Д. Боборыкинъ, А. Н. и Л. Н. Майковы, Д. В. Григоровичъ, В. В. Стасовъ, г-жа Лухманова, Марковъ, цѣвцы Мельниковъ и Карякинъ и пр. и пр.

Юбиляршу поздравляли еще утромъ. Дамы, члены кружка, встрѣтили юбиляршу съ букетомъ цвѣтовъ и, при аплодисментахъ публики, ввели въ залу, гдѣ при входѣ, на особыхъ мольбертахъ выставлены работы Е. М., а въ глубинѣ залы, у картины Айвазовскаго „Отъ штиля къ бурѣ“, поставленъ портретъ юбилярши. Здѣсь за столикомъ она принимала привѣтствія и поздравленія. Ихъ было много“.

¹⁾ Медаль эту Е. М. получила на актѣ Академіи изъ рукъ ея предс. В. Кн. Маріи Ник., отвесшейся къ ней съ полной любезностью. Это было послѣднимъ присутствіемъ В. Княгини на актѣ. Затѣмъ ее замѣнилъ В. Князь Владиміръ Александровичъ.

Прежде всего г. Собко прочелъ телеграммы отъ президента Академіи В. Князя Владиміра Ал. и отъ В. Князя Сергія Ал. Затѣмъ былъ прочтанъ адресъ отъ Комитета Общества Поощренія Художествъ, за подписью Предсѣдательницы Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской ¹⁾. Далѣе адресъ отъ почитателей юбилярши, прочитанный В. В. Стасовымъ. Онъ былъ очень оригинальной формы,—совершенно круглый, въ парчевомъ переплетѣ, вложенъ въ русскую деревянную чашку на лоткѣ, на которомъ помещенъ ящикъ съ красками. Адресъ отъ Москвы, между подписями на которомъ были такія имена, какъ: графини Уваровой, предсѣдательницы Археологическаго Общества; Забѣлина, извѣстнаго ученаго; Сизова, секретаря Историческаго музея и другія. Адресъ отъ русскаго женскаго Взаимно-благотворительнаго общества, отъ картографическаго заведенія Ильина, гдѣ впервые печатались силуэты Елизаветы Меркурьевны; отъ петербургскихъ художниковъ; отъ редакціи дѣтскаго журнала „Игрушечка“; отъ школы кружевницъ, которымъ по дружбѣ художницы съ ея предсѣдательницами Новосильцевой и Давыдовой,—она часто дѣлала наброски для кружевъ и вышивокъ,—къ этому адресу роскошное полотенце, въ старинномъ русскомъ стилѣ, съ золотымъ кружевомъ и надписью на полотнищѣ, шелками, въ стихахъ. Другое роскошное полотенце, атласное, вышитое шелками, отъ г-жи Шабельской. Адресъ „отъ дѣтей“—былъ вложенъ въ громадную, какъ бы мужицкую рукавицу, бѣлой кожи, обшитой соболями съ надписью золотомъ: „Тетѣ Бемъ отъ дѣтей“. Адресъ былъ написанъ дѣтскою рукой одного изъ дѣтей семьи Брюловыхъ. Адресъ отъ „Нивы“ былъ съ подаркомъ офортовъ Шишкина. Отъ Зичи альбомъ съ его рисунками, при любезномъ письмѣ; отъ Сомова,—консерватора Эрмитажа,—изданіе картинъ Эрмитажа. Отъ А. Н. Майкова—томъ его стихотвореній, съ посвященіемъ юбиляршѣ:

Вашъ карандашъ моя обида,
 Зачѣмъ не мнѣ онъ Богомъ данъ?
 Я не показываю вида,
 А въ сердцѣ цѣлый ураганъ!

Дамскій кружокъ поднесъ юбиляршѣ, въ художественномъ бюварѣ, дипломъ почетнаго члена; а затѣмъ отъ членовъ кружка и знакомыхъ художниковъ юбиляршѣ было поднесено болѣе тридцати картинъ: тутъ и Айвазовскій, и Рѣпинъ, и другіе корифеи художествен-

¹⁾ Въ назначенный Принцессой день, Е. М. была у нея, и была принята съ чрезвычайной любезностью.

наго міра. Масса была писемъ: отъ Третьякова, отъ собирателя старины, Бахрушина, Шабельской и пр. Между телеграммами была телеграмма отъ редакціи „Посредника“, за подписью Л. Н. Толстого и его сотрудниковъ. Масса писемъ и телеграммъ было послано изъ провинціи отъ совершенно неизвѣстныхъ юбиляршѣ лицъ.

Послѣ всѣхъ привѣтствій былъ поставленъ рядъ живыхъ картинъ, всѣ изъ силуэтовъ и акварелей юбилярши. Особенно удачны вышли картины: „Выборъ невѣсты“ и „Похмѣлье—конецъ пира“, изъ древне-русской жизни. Маленькіе участники картинъ, прошли затѣмъ по залу процессіей въ костюмахъ. Вечеръ закончился музыкой, пѣніемъ и рассказами сценокъ. Внучка, столь знакомой постояннымъ читателямъ „Русской Старины“,—Татьяны Петровны Пассекъ ¹⁾ Ольга Вл. Пассекъ, съ свойственнымъ ей искусствомъ декламациі, прочла собственное стихотвореніе; прочелъ стихотвореніе и Г. Марковъ, сосѣдъ по имѣнію, гдѣ, проживая лѣто, въ продолженіе 13-ти лѣтъ, Е. М. пріобрѣла столько любви отъ своихъ маленькихъ натурщиковъ, всегда съ новой радостью встрѣчавшихъ пріѣздъ въ деревню доброй „Бѣмихи“. И все завершилось прекрасной игрой на роялѣ г-жи Сипягиной и пѣніемъ г-жи Фриде.

Мнѣ остается еще упомянуть о полученныхъ Елизаветой Меркурьевой различныхъ наградахъ; при чемъ нужно замѣтить, что заграничныхъ она имѣетъ болѣе чѣмъ русскихъ. Изъ русскихъ ею получены: одна отъ школы, въ 1864 г.; одна, поощрительная, изъ Академіи, въ 1871 г. и съ выставки кустарно-промышленной, въ 1902 г.—большая серебряная. Дипломы: съ выставки промышленной, нижегородской, печатнаго дѣла и др.

Изъ заграничныхъ медалей: изъ Парижа—двѣ, одна золотая. Одна золотая изъ Милана; одна медаль изъ Брюсселя и пять изъ Америки, въ томъ числѣ одна золотая.

III.

Мы познакомились ближе съ Елизаветой Меркурьевой у ея старшей сестры Екатерины Меркурьевны Эндауровой, занимавшей въ конторѣ „Картографическаго заведенія“ Ильиныхъ, очень отвѣтственное мѣсто, что не мѣшало ей, однако, очень часто посвящать свои вечера итальянской оперѣ, переживавшей тогда у насъ самый блестящій періодъ, что очень сводило съ ней и меня, страстную итальяноманку.

¹⁾ Интересныя записки Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“,—прежде чѣмъ явится отдѣльнымъ изданіемъ, помѣщались въ журналѣ „Русская Старина“.

Вскорѣ я познакомилась съ ея родителями, по выходѣ въ отставку отца, Меркурія Николаевича,—переселившихся изъ провинціи въ Петербургъ и жившихъ въ одномъ домѣ съ Елизаветой Меркурьевной. Мать—Юлія Ивановна,—была олицетворенной добротой и кротостью; одной изъ тѣхъ русскихъ личностей, которыхъ вы не можете себѣ представить безъ привѣтливой улыбки, такъ и озаряющей васъ при встрѣчѣ! Меркурій Ник. былъ сухенькій, живой старичекъ, страстный меломанъ, съ одинаковымъ восторгомъ внимавшій и пѣвцамъ русской и итальянской оперы, и драматургамъ-геніямъ, въ лицѣ Росси и Сальвини, и корифеямъ „Александринки“, и привѣжимъ гастролерамъ-малороссамъ, часами, даже въ 80 лѣтъ, простаивая въ хвостѣ неистовыхъ меломановъ, всевозможныхъ кассъ¹⁾. Съ ними жила тогда и ихъ меньшая дочь, Любовь Меркурьевна, только послѣ смерти, сначала матери, а потомъ отца, поселившаяся у Елизаветы Меркурьевны.

Отношенія Е. М. къ родителямъ и сестрамъ были самыя теплыя и близкія: и эти отношенія, какъ она, такъ и ея мужъ, сохранили къ старикамъ до конца ихъ жизни. Познакомившись съ Е. М., какъ говорятъ, „домами“, я всегда, несмотря на отдаленность (квартира, занимаемая ею и поселѣ, на Могилевской ул., д. № 20),—съ удовольствіемъ посѣщала ихъ и, взбираясь на лѣстницу въ 90 ступеней, могла, по истинѣ, твердить, что: „Парнасъ гора высокая и дорога къ ней не гладкая“, потому что эта небольшая квартира являла истинный Парнасъ; столько интереснаго встрѣчали вы въ собраніяхъ изящной, умной художницы! Ея небольшой салонъ, въ два окна, представляетъ положительно музей; и глаза разбѣгаются, переносясь отъ стѣны, съ которой глядятъ на васъ произведенія Айвазовскаго, Рѣпина, Шишкина и другихъ,—къ полочкамъ и столикамъ, на которыхъ увидите массу всевозможной русской старины, въ видѣ художественныхъ кокошниковъ, рукавицъ, ковшей, стонъ,—въ перемѣшку съ изящными, въ русскомъ же стилѣ, произведеніями художницы-хозяйки и самыми примитивными твореніями нашихъ кустарей. Продолженіе послѣднихъ произведеній вы встрѣчаете въ другой комнатѣ, въ столовой, въ видѣ огромной коллекціи всевозможныхъ каменныхъ свистулекъ, по губерніямъ и странамъ. Загляните тоже въ изящное и разнообразное собраніе художествен-

¹⁾ Мер. Ник. умеръ, имѣя 90 лѣтъ, сравнительно бодромъ, сохранившимъ память. Онъ воспитывался въ юнкерской школѣ, вмѣстѣ съ Эммануиломъ Нарышкинымъ и Тимашевымъ. При вступленіи его туда графъ Д. А. Милютинъ былъ только что произведенъ въ офицеры.

ныхъ произведеній въ комнатѣ Любви Меркурьевны, съумѣвшей, кажется, внести въ нее и аромать своихъ художественныхъ цвѣтовъ!

Сколько хорошихъ часовъ проводили мы тутъ вмѣстѣ, въ нашихъ разговорахъ, касавшихся всестороннихъ предметовъ; переходя отъ живописи къ музыкѣ, отъ музыки къ литературѣ, не встрѣчая въ милыхъ художницахъ той односторонности, которая такъ часто присуща специалистамъ! Съ какимъ удовольствіемъ разсматривала я новыя произведенія кисти обѣихъ, отъ розовыхъ рожицъ дѣтешекъ переходя на дышащія жизнію розы, обрызганныя, до того искусно изображенными каплями росы, что хотѣлось тронуть ихъ, чтобы убѣдиться, что эти прозрачныя капли не живыя! Много интереснаго рассказывала Е. М. и изъ своихъ знакомствъ и встрѣчъ съ нашими свѣтилами кисти и пера, какъ Васнецовъ, Л. Н. Толстой и другіе. Случались и анекдотики, касавшіеся самыхъ тяжелыхъ, — какъ признавалась Е. М. — минутъ ея жизни, когда наставалъ моментъ назначать заказчику плату за принятый заказъ...

Среди моей многолѣтней, кипучей дѣятельности, мнѣ приходилось встрѣчаться со многими дѣятелями по разнымъ отраслямъ и при различной степени ихъ талантливости, но не припомню болѣе скромной и менѣе самоувѣренной, — безъ приниженія своего таланта, какъ Елиз. Мер., также какъ замѣчательно снисходительной къ другимъ; ни разу не высказавшей ѣдкаго осужденія, часто прикрывающаго зависть къ успѣху другого, и не пустившей ѣдкаго сарказма по направленію своихъ собратій по искусству. Черта, — увы, — не часто проявляющаяся!.. Напротивъ, Е. М. рада была всегда, въ чемъ могла, помочь совѣтомъ и подѣлиться своимъ знаніемъ, а иногда и своимъ трудомъ.

Тѣ же качества и помимо прелестнаго таланта художницы, угадала въ ней сразу и другая, — неизмѣримо ыше меня стоявшая, по мудрости и сердцевѣдѣнію, — личность, именно Татьяна Петровна Пассекъ, сразу приблизившая къ себѣ Елизавету Меркурьевну ¹⁾.

Не могу вспомнить безъ смѣха первый обѣдъ, къ которому Татьяна Петровна пригласила къ себѣ Елизавету Мер. и ея сестру — Екатерину Мер. Милая старушка была въ тотъ день не совсѣмъ здорова и пожелала этотъ интимный обѣдъ устроить не въ столовой, а у себя въ спальнѣ, комнатѣ, вообще, излюбленной, гдѣ она могла порой и протянуться на своей кроваткѣ, подлѣ печки, спустивъ съ ногъ теплые, бархатные, неизмѣнные, зимой и

¹⁾ Въ описываемое мною время Т. П. была издательницей и редакторомъ дѣтскаго журнала „Игрушечка“, въ которомъ я писала съ самаго его основанія въ 1880 году.

лѣтомъ, сапожки. Всѣмъ бы хорошо, -- да тотъ простой, некрашенный столъ, что стоялъ подлѣ кровати и на которомъ мы, бывало, съ ней вдвоемъ вкушали ея, всегда вкусный, чисто-русскій завтракъ или обѣдъ, или распивали чай, подлѣ пузатаго самовара, запѣвавшаго пѣсню, — оказался малъ для лишнихъ гостей. Тотъ, что былъ въ столовой — слишкомъ великъ и громоздкъ для переноски; оставалось только приволочъ кухонный. Отлично! Но и тутъ явилось неудобство: онъ былъ слишкомъ высокъ.

— Рубите ножки!—скомандовала Т. П.

Еще мигъ, и столъ былъ перевернутъ вверхъ своими четырьмя ножками, а разсылный Дмитрій вооружился пилой и сталъ отпиливать намѣченную часть каждой изъ ножекъ, къ великой радости пятилѣтняго внука Татьяны Петровны Сережи, взлѣзавшаго на каждую изъ укорачивавшихся ножекъ, въ полной увѣренности, что онъ много помогаетъ работѣ. Работа шла дружно, но также быстро летѣло и время; и раздавшійся въ прихожей звонокъ, возвѣщавшій прїѣздъ гостей, засталъ спальню всю еще заваленную опилками. Гости удержали въ гостиной, и все было приведено въ надлежащій порядокъ.

Съ тѣхъ поръ Е. М. („Меркуловна“, — какъ произносила Т. П.) была всегда желанной ея гостьей ¹⁾. Сговорившись съ Е. М., уговорили мы Т. П. поѣхать съ нами на литературный вечеръ въ память И. С. Тургенева, устроенный вскорѣ послѣ его кончины и похоронъ; и мы повезли туда старушку. Появленіе Т. П. на этомъ вечерѣ произвело сенсацію: такъ всѣ были удивлены и обрадованы событіемъ появленія въ многочисленномъ обществѣ, давно отъ него удалившейся, такъ многимъ въ литературномъ мїрѣ знакомой „бабушки изъ дальнихъ лѣтъ!“ Всѣ толпились около нея, а она, въ своемъ парадномъ коричневомъ капотѣ „на кокеткѣ“ и въ черной кружевной, туго повязанной, косыночкѣ на головѣ, всѣмъ привѣтливо улыбалась, всѣмъ умѣла сказать ласковое слово, озираясь кругомъ ясными, дѣтскими глазами.

Не касаясь другихъ нашихъ встрѣчъ съ Е. М. у Татьяны Петровны, припомню наше послѣднее съ нею посѣщеніе дорогой старушки.

Надо сказать, что всѣ мы, какъ друзья, такъ и знакомыя, давно упрашивали Т. П. снять съ себя фотографію, но она не соглаша-

¹⁾ Также дружески относятся и теперь къ Е. М. невѣстка Т. П., жена ея сына Владимира, послѣ его смерти вышедшая замужъ за С. С. Манухина (нынѣ членъ Госуд. Совѣта) и внучка Т. П. О. В. Пассекъ.

лась, на томъ основаніи, что въ этомъ отказала даже своимъ покойнымъ сыновьямъ, такъ какъ терпѣть не могла позировать. Наконецъ, годъ передъ своей кончиной ¹⁾, когда она уже такъ любила Елизавету Мер. и такъ ей довѣряла, она согласилась было на то, чтобы та сняла съ нея силуэтъ. Но и это тогда не состоялось, за скорымъ отбытіемъ Т. П. на дачу. Теперь, когда она стала прихварывать, мы снова схватились за эту мысль. Она согласилась, и мы съ Е. М. назначили день, когда обѣ пріѣдемъ къ Т. П., при чемъ, чтобы старушкѣ было не скучно, я буду занимать ее разговорами. Послѣдніе дни она сильно ослабѣла и уже не вставала съ постели. Такъ и нарисовала ее Е. М., акварелью, употребивъ для скорости одну сепію.

— Лиза меня не мучаетъ, — говорила старушка про Елизавету Мер., — а вотъ тѣ-то ужъ какъ мучали! Все нужно было передъ ними позировать. Бывало, какъ устанешь!

Это были два, въ различное время затѣянные съ нея портрета масляными красками, изъ которыхъ одного, оставшагося въ эскизѣ, я не видала, а другой, видѣнный мною, — тоже оставшійся неоконченнымъ, — не удовлетворилъ меня сухостью выраженія и несвойственной Т. П. тяжеловатостью и грубоватостью. Рисунокъ Е. М. вышелъ поразительнымъ по сходству и выраженію этого, тогда уже такъ сильно осунувшагося, отъ болѣзни, лица. Его отпечатали во многихъ экземплярахъ.

Кончая мой краткій очеркъ, посвященный Е. М. Бемъ, я рада, что мнѣ пришлось его закончить эпизодомъ, соединившимъ воедино столь милыхъ мнѣ людей, какъ Елизавета Мер. и незабвенная Татьяна Петр. и, въ заключеніе мнѣ остается только прибавить собственныя слова Е. М., произнесенныя ею не далѣе какъ весной 1910 года.

„Въ настоящее время, т. е. имѣя за своими плечами 67 лѣтъ, имѣя взрослыхъ внуковъ ²⁾, я все еще не оставляю своихъ занятій, и не только въ силу необходимости, сколько любя по-прежнему свое дѣло. Въ заключеніе скажу, что благодарю Бога за то наслажденіе, которое имѣла въ своей жизни, ради своего призванія. Сколько интересныхъ знакомствъ съ людьми замѣчательными оно мнѣ доставило; сколько дорогихъ дружескихъ отношеній, и все это

¹⁾ Т. П. скончалась 24 марта 1889 г.

²⁾ Дочь Е. М., бывшая замужемъ за Г. Барсовымъ, очень рано овдовѣла, оставшись съ двумя сыновьями. Старшій изъ нихъ, теперь уже студентъ С.-Петер. Университета, воспитывался бабушкой и живетъ у нея. Второй — гимназистъ, при матери. Сама Е. М. овдовѣла въ 1904 году.

благодаря тѣмъ занятіямъ, которыя сами по себѣ доставляли мнѣ наслажденіе“!

Къ этому благодарному гимну Богу, прибавлю я и свой;—тоже среди моей любимой, почти 40-лѣтней дѣятельности, посвященной перу и кисти, — встрѣчавшей столько хорошихъ, интересныхъ людей, къ числу которыхъ мнѣ такъ отрадно отнести такую личность, какъ Е. М. Бѣмъ!

С. Лаврентьева.

